

- Я вас несколько другим представлял, Витольд Львович, - сказал Большов.

Понял Мих, что это явно не фамилия, скорее, прозвище. Пудов в нем не меньше восьми, ростом тоже Господь не обделил. Только заметно, что давно Большов не работал руками - тело оплыло, шеи не видно совсем, ладони мягкие, нежные. Облачен, опять же, странно: не в мундир, а свободного покроя одежду, нечто вроде халата. Стыдливую лысину, точно каторжник какой обритый, порой поглаживает да посматривает с хитрецей. Непрост, ох непрост.

И вокруг не менее любопытно. Вот только казалось, бедные дома Сигаревки проходили, а стоило немного в арку углубиться - совсем другая картина, будто к найцам или катаяцам попали. Повсюду подушки большие, которые, вроде, пуфами называются, вместо пола деревянного - ковер, стола вовсе нет. И задымлено вокруг, но вдыхать такое приятно, сладость особенная даже во рту чувствуется.

- Меня почему-то все не так представляют, - ответил Витольд Львович.

Стоял он перед Большовым спокойно, а тот, развалившись на пуфе, лениво смотрел на поднос с фруктами. Миху вдруг подумалось, что хозяин не славиец: вон глаза чуть раскосы, кожа темнее, хотя лицо, опять же, типично Моршанское, да и акцента нет. Черт его разберет.

- Касательно вашей просьбы... - Большов задумался и вновь провел рукой по лысине, - ничем помочь я вам не смогу. И протекция Павла Мстиславовича не поможет, и мундир ваш. Поймите, Витольд Львович, есть Славия, - обвел он рукой комнату, - над ней Государь Император, есть Моршан, над ним генерал-губернатор, есть игорные дома и ростовщики, над ними уже я. Начну трепать про каждого клиента, кто со мной дело иметь будет?

- А если я скажу, что это просьба самого обер-полицмейстера?

- То я вам отвечу, что в следующий раз, когда увижу драгоценнейшего Александра Александровича, а встречаемся мы с ним частенько, то лично все ему расскажу. Ну полно, Витольд Львович, не вашей головы эта забота, не обижайтесь. Не держите на меня зла, вам это совсем не с руки, со мной даже великий князь и генерал-губернатор не ссорятся.

- Да не держу я на вас зла, - негромко ответил титулярный советник, - но как вы не понимаете, что дело идет государственной важности.

- Простите, Витольд Львович, какой страны? - Усмехнулся Большов. - Я, знаете ли, космополит. Удивительно легко чувствую себя в любом государстве, быстро ко всему приспосабливаюсь. Я жизнь знаю, меня судьба-злодейка помотала. Это в Славии что-то задержался, хорошо тут: законы суровы, но уравниваются своей неисполнительностью, люди холодны, но смягчаются после первой взятки, правители требовательны, но лишь к тем, кто не может быть полезным.

- Неприглядно вы Славию описываете.

- Она не лучше и не хуже других государств. Трактльванийцы всем хороши, но уж больно глупы. А этот их восторженный и тупой патриотизм - просто ужас. Тонуть будут, но все то время говорить, что в Тимише самые лучшие корабли и капитаны. Орки не могут оторваться от своих традиций, потому дела ведут нерационально. С такими каши не сваришь. Эльфариццы... Да вы сами знаете: пьют больше, чем работают. Сколько раз мне сделки портили. Катайцы, вроде, и хитры, и умны, однако ж только и ждут, когда возможность представится нож тебе в спину воткнуть. Получается, что среди всех народов только со славийцами и можно дело иметь. С недостатками народ, но открытый, добрый. Без нужды греха не совершающий. А уж с каким

азартом играет. К примеру, вы знаете, только в вашем ведомстве человек играет?

– Сколько?

– Да почти все, – рассмеялся Большов, – если от вашего чина начинать, то и вовсе все. Есть пара фигур, которые вроде и интереса не имеют, но и им приходится, дабы к начальству поближе быть, и так далее. Могу, кстати, одним слухом поделиться, к моим делам он отношения не имеет, потому говорю без утайки. Единственное условие, все же на меня при случае ссылаться не нужно.

– Будьте покойны, – заверил Витольд Львович.

– Не так давно в одном салоне, может, с месяц назад, мой поверенный человек играл с полицейским чином, повыше вас, но ниже Александра Александровича. Подчиненный мой не без способностей, карты его любят, вот и облапошил благородного. Да немного-немало на девятьсот целковых.

У Миха аж в горле пересохло. Слышал он, что многие целые состояния в карты проигрывали. Да что далеко ходить – на их же Никитской купец Никифоров по синему делу сам сто рублей на ветер пустил по осени. Таких тумачей от жены получил, чуть ли не месяц потом к рюмке не притрагивался. Но то торгаши, у них деньги к рукам быстро прилипают. Вот и тогда Никифоров сказал: «Бог дал, Бог взял». И не стал жить хуже.

– Полицмейстер? – Только и спросил Витольд Львович.

– Полицмейстер, – кивнул Большов и продолжил, – вы знаете, как в таких случаях бывает. Начинают расписки писать, божиться, что отдадут, а потом пропадают или юлят сколько сил есть. Тут, напротив, по словам моего человека, даже бровью не повел проигравшийся, очки поправил и предложил следовать с ним до дома.

– И что дальше?

– Ничего, доехали, зашел к себе, потом вышел и полностью рассчитался.

– А ваш человек не интересовался, откуда у проигравшегося такие немалые деньги?

– Ох, Витольд Львович, удивляюсь вашей проницательности. Какие правильные вопросы задаете. Интересовался, конечно. Осторожно, меж делом. Сказал, дескать, понимает, как трудно такие средства сразу достать, готов подождать. Но полицмейстер ответил, что недавно по работе играл с высокородными господами, хотя сам к стуколке страсти не питает, и вдруг ему крупно повезло, поднял банк. Потому особых нужд не имеет.

– Очень интересно, – задумался Меркулов. – Спасибо и на этом. Возможно, это поможет. Еще один вопрос. Не называйте имен, только скажите, есть ли у вас знакомый, который в течение года много проигрывался, но внезапно вдруг рассчитался со всеми долгами?

– Витольд Львович, я думал, мы поняли друг друга, – разочарованно протянул Большов.

– Я не прошу вас выдавать чужой тайны. Просто кивните, если так.

Собеседник еще немного поразмыслил, но все же качнул головой. На том Витольд Львович с Большовым попрощались, причем, как заметил Мих, довольно тепло, будто старые добрые приятели сто лет не видевшиеся, но поболтавшие пять минут и оставшиеся вполне довольные

друг другом.

- Эх, извозчика теперь где тут искать? - Спросил будто сам себя Витольд Львович, выйдя из арки.

- Лучше до Сигаревского рынка дойти, - предложил орчук. - Господин, про полицмейстера этого. Выходит, у Петра Андреевича денег вдоволь?

- Да, очки среди всех полицмейстеров только он носит.

- И что же теперь, получается, раскрыли мы предателя? Надо тогда Его превосходительству рассказать, да Его высокородие того... арестовать.

- Уж слишком ты скорый на расправу, Мих. А если правда что рассказали?

- Что правда?

- Правда он те деньги выиграл. Случается такое. Запомни, старайся проверять всю информацию. Кто знает, сказал Большов правду или нет. Допустим, по поводу последнего вопроса, который я задал, смысла врать ему не было. Но вот если брать Петра Андреевича, то вполне мог глаза нам отвести.

- То есть, Его высокородие не предатель?

- Кто же его знает, может статься, что и предатель. Постараемся выяснить.

- Тяжело как с вами господин, - признался Мих, - один раз вперед шагнете, два назад.

- Огульно обвинить большого ума не надо, нам же мотив надо найти, доказательства хоть какие-нибудь получить. Ты же хочешь после навета ростовщика на полицмейстера ополчиться.

- Станный вы человек, господин. У нас в Славии как? Ежели подозрение какое есть, то берешь человека да за грудки трясешь.

- Ты еще вспомни, как в Транкльвании в темные века признания из так называемых ведьм выбивали. Топят в пруду, если всплывает, значит, виновна, грех на ней есть. А тонет - невиновна. Любопытная аккриминация.

- Вы уж извините, господин, не знаю про какую такую криминацию говорить изволите, но свой смысл в том есть. Невинной душе ничего на том свете не страшно, она в райских куцах обитать после смерти будет.

- Мих, лучше помолчи, - оборвал его Витольд Львович. - Куда теперь?

Расступился проулок, выплюнув их на широкую площадь, заполненную торговыми рядами. Далее шли жилые подворья, среди коих уже затесалось несколько трактиров, харчевней и питейных. А уже со всех сторон площадь обступили доходные дома и ночлежные.

Народу было не протолкнуться. Хотя разве бывает по-другому на Сигаревке? Кто продает, кто покупает, кто ворует, кто на работу устраивается. Последних, конечно, не в пример больше. Стоят горемычные, черед своего ждут, когда окликнут, подойти попросят. Люд тут разный: от крестьян в оборванной одежонке до рабочих, что в сапогах, хоть и замызганных, и в рубахах. Изредка и из интеллигенции кто попадает. Таких всегда запросто отличить. Лицами худы, телами худосочны, глаза стыдливо опускают. Мужик простой тоже сух бывает, но в нем стать

особая, жилистая, как в лошади тягловой. А эта интеллигенция, тьфу, ни в руках, ни в ногах силы нет. Но все ж не обижают их, по нужде сюда пришли, не по прихоти. Как говорится, от сумы да от тюрьмы не зарекайся.

Пошуровал по площади взглядом, увидел в дальней части, на самом выезде, извозчика. Не на экипаже, а ломового, тележного, но выбирать не приходилось. Рукой махнул титулярному советнику, но Меркулов с места не сдвинулся. Напротив, резко развернулся и схватил за руку, будто замершего подле мальчонку. Тот, к удивлению Миха, не закричал, лишь попытался вырваться, но Витольд Львович держал крепко.

- Ты разве не видишь, к кому в карман лезешь? - Спросил он, внимательно оглядывая оборванца. - Ну говори, или в околоток сейчас поедешь. Думаю, тебя там точно знают.

- Видел, - нехотя сказал мальчонка, - на то и уговор был, карман такой важной цаце обнести.

Он вытер рукавом сопливый нос и всхлипнул. Не пытаюсь разжалобить, а от обиды, что попался, дурак такой. Орчук тоже к тому моменту мальчонку разглядел. Махонький какой, по годам лет девять, не больше, да и статью Господь обделил. Низенький, худой, хотя уличные сироты в таком возрасте редко жиром обрастают, это больше барчуки. То, что мальчонка без родителей, Мих не сомневался. Таких тут вдоволь, стайками знай себе бегают, хватают, что плохо лежит.

- Меж кем уговор?

- Меж нами, - непонятно махнул рукой пацан позади спины. Точно испугавшись именно этого движения, кучка пацанов, чуть постарше злоумышленника, разлетелась в стороны, подобно воробьям.

- Проиграл ты уговор. Зовут-то тебя как?

- Сенька, - всхлипнул пацан.

- Арсений значит. И давно карманы щипаешь?

- Третий месяц пошел, - перестал всхлипывать мальчонка и с интересом поднял голову. Не каждый полицейский после подобного с тобой так спокойно и чинно разговаривает, точно судьбу подробно пытается вывести.

- И выходит?

- Так дело не мудреное. Главное руку сунуть, а потом на движении растяпу поймать.

- И не попадался ни разу?

- Ни разу, - не без горделивости признался Сенька.

- А можешь вон у того господин портмоне вытащить? - Лукаво спросил Меркулов.

- Лопарь можно выманить, только вы потом меня сразу в околоток. Так?

- Вот и не угадал. Мне как раз похожий талант может пригодиться. Думал я по-другому все обставить, но с тобой даже лучше. Так покажешь, что умеешь, или нет?

Он медленно разжал руку, и мальчонка остался на месте. Головой дернул, теперь бы и всем

телом двинуться, да замер. Блеснули глаза, понял Мих, интересно мальцу стало. Вытер снова сопливый нос, подошел к прилично одетому господину, разглядывающему нечто на прилавке, потерялся рядом так, сяк. Сам встал, будто высматривает чего, а рука, точно змея, проскользнула к пиджаку и замерла. Долго стояли, но тут господин влево сдвинулся, а мальчонка напротив, в сторону. И в пальцах его лишь на мгновение мелькнул коричневый портмоне, но тут же исчез за грязной пазухой.

Оглянулся несколько раз пацан, подошел к Витольду Львовичу и протянул добычу.

- Ловок, - не без восхищения признался Меркулов, - такие таланты на Сигаревке пропадают.

- Не пропадают, - совсем забахвалился пацан, - Митька-Валет на следующий год к себе обещал взять. Сказал пока воровскую науку изучать, руку набивать.

- Если за год руки этой не лишишься. Слышал, что с ворами катайцы делают?

- Так мы же не варвары последние, - возразил Сенька.

- Ну ладно, давай тогда тоже познакомимся, - левой рукой забрал портмоне титулярный советник, а правую протянул, - Меркулов Витольд Львович, временно исполняющий обязанности пристава следственных дел по особым поручениям сысского управления при Моршанском обер-полицмейстерстве.

Это господин специально так пышно представился, чтобы на пацаненка впечатление произвести, догадался Мих. Хотя мог и не стараться, у того лишь после фамилии глаза на лоб полезли, будто в лавку бакалейную за пустяком каким пошел, а там с Государем Императором встретился.

- Тот самый, что быстрее тени своей одевается?

- Не знаю, не соревновался с ней, - засмеялся титулярный советник, - погоди минуту, - он подошел к господину, в карманах которого сейчас гулял ветер, присел, словно что с земли поднимая, и выпрямился, - любезнейший, вы, наверное, обронили.

Облапошенный повернулся, пощупал себя по карманам, открыл от удивления рот и похлопал глазами.

- Благодарю, благодарю, Ваше благородие. Право не знаю, как...

- Ничего серьезного, прошу прощения, должен идти.

И правда пошел, чуть дальше от вздыхающего господина и гомонящего люда. Только пацаненку почти незаметно знак за собой следовать сделал. Миху и вовсе слова не нужно было говорить. Он к хозяину как лист банный к мягкому месту приклеился.

- Ну что, Арсений, будем дружить?

Мальчонка в ответ лишь кивнул, теперь поглядывая и на орчука. Ну вот, заметил наконец. Тоже ведь вор, так, чиграш еще. Настоящий стырщик каждый маловажный момент и изменение в окружающем замечает. Чутье, опять же, имеет, кого можно обнести, а к кому лучше не соваться.

- Будем. Только вам на что дружба такая?

- Есть у меня свой интерес, говорю же. Лучше объясни, как найти тебя, когда нужда будет?
 - Так вон там, видите в три этажа дом? Там и обитаю. Скажите, что Сеньку Шалого ищите. Это прозвище такое секретное, через него вас ко мне и отведут.
 - Запомнил? - Повернулся Меркулов к Миху, а потом уже мальчонке объяснил, - если что, приедет Михайло. Он у меня нечто вроде поверенного.
 - Правду, значит, люди говорят, - все еще пытаюсь отойти от шока, признался воришка, - а я со спины подумал, обычный городской. Они все громадные, энтот чуть пошире, такое тоже бывает.
 - Невнимательный ты, - заметил теперь орчук. - На руки чего ж не поглядел, разве бывает у человека такой цвет кожи?
 - Не бывает, - выдохнул Сенька, - я орчуков вблизи не видел. На мельнице с восточного тракта один робит. Только тот в муке все время, будто и человек, да вблизи его не разглядишь. Не разрешают. А тут...
 - Ну будет, - сказал Витольд Львович, - у меня до тебя дело есть. Держи вот, - протянул он монету, а Мих охнул, полтину отдает, видит Бог, сдурел господин, - понятное дело, что за день ты больше заработаешь. Однако ж тут, считай, через меня самому Государю служить будешь.
- Мальчишка аж дышать перестал, монету сжал побелевшими пальцами, каждое слово Меркулова ловит. Не каждый день простому воришке такое заявляют.
- Отправишься сейчас в Столешников переулок, встанешь напротив обер-полицмейстерства и станешь следить за окном, может, заметишь чего. Окно так считаешь, - Меркулов отогнул три пальца на одной руке и четыре на другой, - это по высоте, а это от левого края.
 - Ну что вы, Ваше благородие, - шмыгнул Сенька, - я до десяти считать обучен. Третий этаж и четвертое окно с краю.
 - Верно, - кивнул Витольд Львович, - а как только смеркаться будет, дуй в Малышевский переулок, дом десять, квартира девять. Денег на еду и извозчика хватит с лихвой. Теперь беги.
- Мих только головой покачал. Много дал, ох много. Ясно дело, не будет Сенька этот ваньку нанимать, на своих ногах доскачет, у юности прыть особенная. Да и есть: если захочет, перехватит что копеечное на улице или вовсе стащит с прилавка, а полтину себе оставит. Меркулов и глазом не моргнул, пошел дальше, к извозчику тележному, будто и не было никакого разговора с мальцом. Легко сговорился с ломовым ванькой, дав вдвое больше обычного (опять же расточительство), а последнему какая разница что везти, груз или пассажиров? Лишь бы платили. Адрес назвал незнакомый, точнее улицу Мих знал, но прежде с господином туда не являлись. Минута прошла, и уже, трясаясь, выезжали они с Сигаревской площади.
- Зря мальчонке деньги дали, не вернется.
 - Вот ты, вроде, Мих, старше и опытнее, а людей совсем не знаешь.
 - Вы, господин, извиняйте, но людей я лучше вашего знаю, повидал.
 - А вот все же в детской психологии не силен. Каков бы этот Сенька не был вор, лихоимец, а

все же он еще ребенок. И завлечь его можно не в пример легче, чем взрослого. Дай ему цель, такую, какую больше никто не дает, скажи, что он нужный для особенного дела, воодушеви его, так все сделает и цены не спросит.

- Не знаю, господин. Я привык к тому, что рука, которая гладит, в другой момент сразу ударить может. А от добра добра искать не требует.

- И от меня добра не ждешь?

- С вами, по-другому, господин. То ж я про людей говорил, а вы...

- Ну что я? Говори, коль уж начал.

- Вы совсем другой, странный. Таких я вовсе не встречал. Бедны, но деньгам счет не ведете, уж простите, сын изменника, но чести в вас побольше, чем в князе каком, надзору над вами нет, однако ж работаете на износ. Таких прежде не видел.

Меркулов улыбнулся чуть заметно, одними уголками губ, но ничего не ответил. А Мих и добавлять ничего не стал. Последние слова, сказанные им, давили и еще звучали в голове. Подобное откровение и перебивать теперь кошунственно. Хотя вопросов хватало. Как любил повторять титулярный советник, во-первых, куда они теперь отправляются? По-хорошему следовало Петра Андреевича за грудки взять, да все выпытать из него, но вон как хозяин изъяснился. Во-вторых, что за окно, за которым в Столешникове переулке следить Сеньке поручил? В который раз орчук поругал себя за ненаблюдательность, ведь сколько раз туда-сюда шастали, обрати внимание, проклятая ты душа, так нет. В-третьих, ничего ясного, как изловить Черного, господин не говорил, а поймать надобно. В-четвертых, святыню эту, опять же, достать надо, если цела еще. Тьфу, от вопросов вон оно как, голова кружится.

Вывез их возница, да и какой возница, скорее уж возчик (так тряс, что Мих чуть печенку не выплюнул) с Сигаревского района совсем к центру города, проехал еще три-четыре квартала, завернул в проулок, снова на широкую улицу вывез, Черниговскую, как понял орчук, да встал подле одного из домов. Место тут обычное, не из роскошных, но и не трущобы последние. Живут в таких те, кто больше ста рублей в месяц получают, но богатств особых не имеют. Эдакие середняки, опора и совесть государства (подобное выражение Мих в газете вычитал).

Меркулов на номер дома посмотрел, кивнул, будто сам себе, и направился к подъезду. Квартир на этаже оказалось немного, более того, у каждой двери была табличка с фамилией. Витольд Львович подошел к третьей двери, где было написано «Галахов В. А.». Уже было к ручке потянулся, да замер в нерешительности. Вторую длань вскинул, Миху обозначая, чтобы не двигался. Орчук не глупый был, на месте застыл, даже дышать реже стал. А Витольд Львович на косяк показал, и револьвер стал вытаскивать.

На том месте, что заметил Меркулов, виднелась неглубокая зарубка, оставленная либо ножом, либо кинжалом. Кабы топором ударили, так глубже вошел, да и пошире. Опять же, след оставили совсем недавно, дерево на том месте светлое совсем, не потемнело от времени. Мих даже помолился про себя. Почему у них все не слава Богу? Не бывает так, чтобы день прошел, а они в неприятности не попали. Тут же, с самого утра из огня да в полымя. Сначала Черный мог поранить, потом Аристов с перепугу чуть горсть золы от них не оставил, следом ребята Большого нож к горлу приставили, теперь вот это. Вряд ли внутри сейчас с нетерпением дорогих гостей ждут, стол накрывши. Опять какая-нибудь неприятность.

Подумал орчук, что надо знакомцев в обер-полицмейстерстве (а появилась у него пара таких людей – простых, без предрассудков о прочих) на предмет наличия компенсаций любых за

опасность поспрашивать. А что, кинул в тебя какой лихоимец нож – будьте добры, рубль или хотя бы полтину, наставили револьвер – пожалуйста, Михайло Терентьевич, вам два целковых. А то ведь никакого здоровья не хватит. Видит Господь, не доживет так до пенсии.

Присел орчук, ожидая приказания, когда можно будет дверь вышибать, но Меркулов ручку потянул и вон оно что – открыто. Плохой знак, даже в самых хороших районах запираются, лихого люду хватает. Что после случилось, лишь подтвердило самые плохие опасения Муха.

Заревело внутри, будто чудо-юдо какое, коими детей в сказках пугают там затаилось. Но тут же зацокали копыта и вылетел на Меркулова аховмедец. Витольд Львович тоже не лыком шит, да еще с магией своей редкостной, успел два раза курок спустить. Яростный гул смешался с криком, обычным криком боли, и в следующее мгновение Меркулов оказался погребенным под аховмедцем. Последнего он ранил: по поросшей густым жестким волосом ноге потекла густая, будто торопящаяся покинуть тело козлоногого, кровь. Однако ж сил у аховмедца было еще вдоволь, и бед он мог натворить еще немало. Пришлось Муху на выручку спешить.

Подскочил он к ироду, который уже на Витольда Львовича навалился, да оторвал козлоногого от пола, точно пушинку. Конечно, кабы последний магию крови применил, не сдюжил бы, если только берсеркерство потаенное помогло. Но теперь сражались на равных, исключительно на силу врожденности напирая, а тут против орка никто бы не выстоял. Полетел аховмедец так, как не всякая птица может. Правда, недолго. И нескольких мгновений не прошло, как вниз направился, по лестнице, да там в полете и затих.

Рано обрадовался орчук, из темноты проема вдруг выскочил еще один козлоногий. Судя по размерам, породовитее предыдущего. Только и успел Мух Господа поблагодарить, что бодливой корове тот рога не дал, точнее отнял – каждый знает, что ранее, совсем в древние времена, чуть ли не у каждого аховмедца рога были. Если бы теперь они остались, очень тягостно орчуку пришлось. И так дыхание перебило, когда козлоногий башкой своей преглупой в грудь влетел, но это ничего. На мгновение всего лишь Мух потерялся, даже когда дурак этот его метелить кулаками стал, сознание не потерял. Каждый знает, что у орка голова – накрепчайшее место. Вот ежели он кувалдой или молотом каким вдарил, еще бы посмотреть надобно, а так...

В себя пришел Мух, почувствовал, как запыляется берсеркерская кровь внутри, рыкнул, сцепил в замок две руки да вдарил козлоногого. Отлетел аховмедец, будто весу в нем никакого не было, да затих. В былое время испугался бы орчук, что убил существо живое – хоть и не человек был житель Матара, а все-таки создание Господа (к тому еще в прошлом столетии церковь православная пришла). Теперь же даже не посмотрел в сторону упавшего, хотя до боевого безумия, в песнях прославленного, далеко было, но уже отступился от себя прежнего Мух, став ближе к своим истинным предкам.

А аховмедцев все прибывало, словно вся квартира ими набита была. И лезли теперь, как засоленные огурцы из кадки, стоило лишь крышку приподнять. Витольд Львович только подниматься начал, крепко его первый приложил, потому на господина орчук не надеялся. Да и вообще теперь Мух мало думал. Кабы побольше разумения сейчас в голове было, отступил на один шаг, к лестнице отходя, чтобы не с двумя сразу драться, а одного вперед пропустить. Тогда аховмедцы друг другу бы мешались, а ему напротив сподручнее стало. Но кровь берсеркерская теперь и до головы добралась, напрочь всякую рассудительность вымыв. Бросился вперед орчук, щедро тумачи направо и налево раздавая.

Конечно, при таком ведении боя и сам пропускал удары. Все-таки, каков орчук не был, а против двух аховмедцев тяжело сдюжить. Вот и встали, как в дурном рассказе, на одном месте

синяки друг другу дарят, а никто ровным счетом верх взять не может. Кабы знал Мих одну старую игру, что в Катайском султанате выдумали, решил, что именно теперь наступил момент, который и называют пат. Но того не ведал орчук, потому надеялся лишь, чтобы голова выдержала, да в беспамятство он не провалился. И не в срамоте дело – мол, не справился с козлоногими, за хозяина потом беспокойно. Навалятся на него аховмедцы и никакая резвость не поможет.

Но крикнул кто-то из квартиры, негромко, на аховмедском. Голос показался странный, знакомый, будто слышимый прежде. Теперь и орчук с кулаками замер. Кровь хоть и играла, выплеску требовала, да как-то не по-людски теперь прочих бить, не хотят те драться. Потом и вовсе господский голос на ухо прошептал: «Дииш ара». Специальным образом негромко, чтобы противники не услышали и не поняли, что берсеркер перед ними. Пусть и не чистокровный, но все же. Теперь злость вся с Муха окончательно сошла, зато пришла боль – в груди, под ребрами, на лице.

А аховмедский голос все не прекращается. И говорит, говорит, будто втолковывает козлоногим что, приближаясь в то же время. Шаркнул ногами по полу, запахнул халат и вышел на свет тот самый старик-профессор, Галахов Виталий Арсеньевич.

– Потому что разобраться надо, – продолжил он уже на славийском, – прежде чем гостей бить. Это завсегда успеется. Это же не тати какие, а Витольд Львович с Михайло Тереньтевичем. Чуть первого орчука на государственной службе не загубили. Господин советник, хоть вы повлияйте на своих подчиненных.

Следом за Галаховым, из казалось уже необъятной квартиры, вышел последний аховмедец – старик с седыми волосами на голове и обнаженными ногами, тот самый, что обнаружил убитого Логофета – Маар То Кин.